

Героиня тютчевской лирики и Анна Каренина

По словам Л.Н. Толстого, с Ф.И. Тютчевым они встречались «раз десять в жизни». Последняя встреча Толстого с Тютчевым произошла в поезде в августе 1871 года, то есть за два года до смерти поэта. Они проговорили четыре часа. В письме Страхову, описывая эту случайную встречу, Толстой признается: «Из живых я не знаю никого, кроме Вас и его, с кем бы я так одинаково чувствовал и мыслил».

Мы знаем, что на протяжении всей жизни Толстого его мировоззрение изменялось не раз. Роман «Анна Каренина» Толстой начал писать весной 1873 года. В то время в своих духовных исканиях Толстой был особенно близок философскому настроению лирики Тютчева. Известен такой отзыв Толстого о поэте: «По моему мнению, Тютчев — первый поэт, потом Лермонтов, потом Пушкин... Так не забудьте же достать Тютчева. Без него нельзя жить! Сила Пушкина, по моему мнению, главным образом в его прозе... Тютчев как лирик несравненно глубже Пушкина».

1

Трагическая судьба Анны Карениной, положенная в основу романа, от начала до конца повторяет историю любви лирической героини поэзии Тютчева 50–60-х годов XIX столетия.

Безусловно, не последнюю роль здесь сыграла личная биография поэта. Будучи вторично женат уже более десяти лет на немке Эрнестине Пфеффель-Дёрнберг, он встретил и полюбил Елену Александровну Денисьеву — молодую светскую красавицу, племянницу инспектрисы Смольного института, в котором она находилась на привилегированном положении. Близкий родственник Денисьевой А.И. Георгиевский вспоминает: «Природа одарила ее большим умом и остроумием, большой впечатлительностью и живостью, глубиной чувства и энергиею характера, и когда она попала в блестящее общество, она и сама преобразилась в блестящую молодую особу, которая, при своей большой любезности и приветливости, при своей веселости и очень счастливой наружности, всегда собирала около себя множество блестящих поклонников».

В Смольном воспитывались также дочери Тютчева от первого брака — Дарья и Екатерина. Посещая их, он довольно часто виделся с Денисьевой, и постепенно глубокое чувство связало их сердца. Они были вместе 14 лет, до самой смерти Денисьевой, если считать началом их близости лето 1850 года. Об этом пишет Тютчев в стихотворении, датированном 15 июля 1865 года:

Сегодня, друг, 15 лет минуло
С того блаженно-рокового дня,
Как душу всю свою она вдохнула,
Как всю себя перелила в меня.

Связь поэта с Денисьевой взбудоражила аристократические салоны Петербурга, где оба ранее были желанными гостями. Пикантное известие переросло в настоящий светский скандал, докатившийся до Пензенской губернии, где служил отец Елены Александровны — майор А.Д. Денисьев. Узнав о «падении» дочери, он публично отрекся от нее, а его сестре пришлось расстаться с «теплым местечком» в Смольном институте.

Все обвинения обрушились на голову Елены Александровны, и двери великосветских домов навсегда закрылись для нее. Возлюбленная поэта, осмелившаяся пожертвовать своему чувству «приличиями» и предрассудками «света», подверглась ожесточенной травле. Все это сообщило отношениям Тютчева и Денисьевой глубоко трагический колорит.

Сам же Тютчев по-прежнему оставался завсегдатаем роскошных гостиных и постоянно бывал на раутах у великих княгинь Марии Николаевны и Елены Павловны. Более того, изредка он посещал и свою прежнюю семью. В стихотворении «О, не тревожь меня укором справедливой!..» Тютчев словно извиняется перед Денисьевой за свою раздвоенность, боясь превратиться в «безжизненного кумира» ее любящей «живой души».

У Тютчева с Денисьевой было трое детей, которые считались «незаконнорожденными» и не имели никаких юридических прав. Елена Александровна все принесла в жертву своей «роковой» любви, и постепенно, под бременем ложного общественного положения, которое ее угнетало, в ней развились болезненная раздражительность, вспыльчивость и ревность ко всему, что интересовало Тютчева помимо нее. Все это подорвало ее слабое здоровье, и она умерла от скоротечной чахотки на руках у Тютчева, едва миновав черту зрелости.

Все это факты биографии Тютчева — аристократа, бессменного «льва сезона», как называл его П.А. Вяземский, имея в виду популярность Тютчева в свете. А вся эмоциональная гамма чувств, вызванная последней и самой глубокой любовью в жизни поэта, отразилась в его стихах, которые известны ценителям его поэзии как «Денисьевский цикл». Эти стихи — плод двух последних десятилетий жизни Тютчева — стали венцом его творчества и одним из драгоценных образцов русской любовной лирики XIX века.

Этот лирический цикл, как и вообще лирика Тютчева 1850–1860 годов, явно выстроен по законам драмы, в нем есть приметы классического русского романа того времени — с завязкой, кульминацией и развязкой, есть свой внутренний сюжет, есть драматическое развитие характеров героев.

Можно с полным основанием говорить о своеобразном родстве «поэтического романа» Тютчева и последнего семейного романа той эпохи — «Анны Карениной» Льва Толстого. Эти произведения, столь различные по жанрам, объединяют и новые критерии оценки реальной действительности при несомненном следовании традициям русской классической литературы. Отсюда такая оригинальная и совершенная трактовка в общем-то банального сюжета. В традиционной любовной драме сместился центр тяжести, и основой как романа, так и поэтического цикла стало реалистическое повествование о трагедии женщины, восставшей против морали аристократического общества с его ужасающей рутинной и ханжеской.

2

Искусство портрета всегда являлось одной из самых трудных задач писателя. По тому, насколько мы поверим в реальность образа и насколько верно наметим для себя потенциальные поступки героя, можно судить о художественном даре автора.

На всем протяжении первой части романа, описывая Анну, Толстой постоянно варьирует одну характерную деталь — ее улыбку. Она то дрожит в ее глазах, то прячется в уголках губ, редко овладевая всем лицом. Так может улыбаться только Анна с ее импульсивностью, с ее необоримой жадью любви и полноты жизни, Анна, живущая радостью одного мгновения:

«...сдержанную оживленность, которая играла на ее лице и порхала между блестящими глазами и чуть заметною улыбкой, изгибавшею ее румяные губы. Как будто избыток чего-то так переполнял ее существо, что помимо ее воли выражался то в блеске

взгляда, то в улыбке. Она потушила умышленно свет в глазах, но он светился против ее воли в чуть заметной улыбке».

«...с улыбкой, волновавшеюся между губами и глазами...»

«...установившемся на ее лице оживлению, выбивавшемся то в улыбку, то во взгляд, если бы не серьезное, иногда грустное выражение ее глаз, которое поражало и притягивало к себе...»

«...в глазах ее вспыхивал радостный блеск, и улыбка счастья изгибала ее румяные губы. Она как будто делала усилие над собой, чтобы не выказывать этих признаков радости, но они сами собой выступали на ее лице».

«...дрожащий, вспыхивающий блеск в ее глазах и улыбку счастья и возбуждения, невольно изгибающую губы...»

«Анна улыбалась — и улыбка передавалась ему».

«...улыбка, которая как бы летала вокруг лица».

Нельзя не обратить внимания на то, что и Тютчев в обаятельном портрете своей героини неизменно подчеркивает неповторимое выражение именно улыбки губ и глаз:

«Люблю глаза твои, мой друг,
С игрой их пламенно-чудесной,
Когда их приподымешь вдруг
И, словно молнией небесной,
Окинешь бегло целый круг...»

«Что мутится, что тоскует
Влажный блеск очей твоих...»

«Улыбка уст и блеск очей...»

«Улыбка женских уст и глаз...»

«Я очи знал, — о, эти очи!
Как я любил их, знает Бог!...»

Во второй части романа Толстой дает уже совсем иной портрет Карениной. Это уже другая Анна, обессиленная от «буйной слепоты страстей» в «поединке роковом»:

«...Он смотрел на нее, как смотрит человек на сорванный им и завядший цветок, в котором он с трудом узнает красоту, за которую он сорвал и погубил его».

«...Кто это? — подумала она, глядя в зеркало на воспаленное лицо, со странно блестящими глазами, испуганно смотревшими на нее. — Да это я, — вдруг поняла она, и, оглядывая себя всю, она почувствовала вдруг на себе его поцелуй и, содрогаясь, двинула плечами».

Новый портрет героини «денисьевского цикла» мы находим и у Тютчева, в стихотворении «О, как убийственно мы любим...». Поэт, зная, кто повинен в этих печальных переменах в любимой, испытывает мучительные угрызения совести:

О, как убийственно мы любим,
Как в буйной слепости страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей!

Давно ль, гордясь своей победой,
Ты говорил: она моя...
Год не прошел — спроси и сведай,

Что уцелело от нея?

Куда ланит девались розы,
Улыбка уст и блеск очей?
Все опалили, выжгли слезы
Горючей влагою своей.

.....
Судьбы ужасным приговором
Твоя любовь для ней была,
И незаслуженным позором
На жизнь ее она легла!

Жизнь отречения, жизнь страдания!
В ее душевной глубине
Ей оставались воспоминанья...
Но изменили и оне.

.....
И что ж от долгого мученья,
Как пепл, сберечь ей удалось?
Боль, злую боль ожесточенья,
Боль без отрады и без слез!..

Интересно, что этот своеобразный поэтический ключ к «Анне Карениной» написан Тютчевым почти за четверть века до рождения романа Толстого.

3

Стихи Тютчева справедливо относят к философской поэзии. Может быть, поэтому его любовная лирика отличается такой глубиной проникновения во внутренний мир женщины, в святая святых ее души. Из «денисьевского цикла» можно выделить несколько стихотворений, где поэт пишет от третьего лица. В них он также рассуждает о любви, анализируя как бы со стороны поступки и взаимоотношения своих лирических героев. Как истинный поэт, Тютчев умеет взглянуть на себя и окружающих отстраненно и так обобщить личные наблюдения в поэзии, что интимная драма его собственной судьбы разворачивается перед нами анатомией человеческих страстей.

Этот беспристрастный взгляд, оценивающий мир, вне собственного «я», так определяет Толстой: «...те редкие настоящие люди, с которыми я сходил в жизни, несмотря на здоровое отношение к жизни, всегда стоят на самом краюшке и ясно видят жизнь только оттого, что глядят то в нирвану, в беспредельность, неизвестность, то в сансару, и этот взгляд в нирвану укрепляет зрение».

Это философское видение мира «с краюшка» совсем в ином ракурсе открывало Толстому и Тютчеву суету повседневной жизни. Отчасти этим объясняется столь явный родственный психологизм творчества Толстого и Тютчева. А знаменитая толстовская «диалектика души» в равной степени присуща и художественному методу Тютчева. Отсюда такая достоверность и психологическая убедительность в описании самых подспудных, подсознательных душевных движений их героинь, которые приводят на первый взгляд к неожиданным, но на самом деле к блестяще обоснованным и логически оправданным поступкам.

Эмоциональные переживания Анны Карениной по внешнему проявлению, а главное, по внутренней своей природе настолько близки лирической героине Тютчева, что начинает вырисовываться их общий прообраз, вызвавший к жизни великую прозу и не менее великую поэзию. У Толстого и Тютчева почти идентичны картины душевного смятения женщины после того, как она, сломленная, с ужасом перед неизвестностью,

вступила в новую стадию своей жизни, для других преступную и постыдную, для нее же — единственно возможную:

«...Чем громче он говорил, тем ниже она опускала свою, когда-то гордую, веселую, теперь же постыдную голову, и она *вся сгибалась и падала* с дивана, на котором сидела, на пол к его ногам; она упала бы на ковер, если б он не держал ее... Он опустился на колени и хотел видеть ее лицо, но она прятала его и ничего не говорила».

То же сложное душевное состояние женщины описывает и Тютчев в стихотворении «С какою негою»:

С какою негою, с какой тоской влюбленной,
Твой взор, твой страстный взор изнемогал на нем!
Бессмысленно-нема... нема, как опаленный
Небесной молнии огнем, —

Вдруг от избытка чувств, от полноты сердечной,
Вся трепет, вся в слезах, ты **повергалась ниц...**

.....
И на руки к нему **глава твоя склонялась,**
И, матери нежней, тебя лелеял он...
Стон замирал в устах... дыханье уравнилось —
И тих и сладок был твой сон.

А днесь... о, если бы тогда тебе приснилось,
Что будущность для нас обоих берегла...
Как, уязвленная, ты б с воплем пробудилась —
Иль в сон иной бы перешла.

В пятой части романа Толстого есть блестяще написанная сцена, где Анна разглядывает после тайного посещения сына Сережи его фотографии. В этом важнейшем для развития конфликта эпизоде существо героини начинает раздваиваться. В ней восстают друг против друга два враждебных начала, разрывающих душу: мать и любовница. Здесь впервые прямо указывается на глубинный исток ее драмы, которая приведет Анну впоследствии к столь трагическому финалу:

«...Она взяла на столике альбом, в котором были фотографические карточки сына в других возрастах... Она вынула их все. Оставалась одна лучшая карточка. Он в белой рубашке сидел верхом на стуле, хмурился глазами и улыбался ртом. Это было самое особенное, лучшее его выражение. Маленькими, ловкими руками, которые нынче особенно напряженно двигались, своими белыми тонкими пальцами, она несколько раз задевала за уголок карточки, но карточка срывалась, и она не могла достать ее. Разрезного ножика не было на столе, и она, вынув карточку, бывшую рядом (это была карточка Вронского, сделанная в Риме, в круглой шляпе и с длинными волосами), ею вытолкнула карточку сына. “Да, вот он!” — сказала она, взглянув на карточку Вронского, и вдруг вспомнила, кто был причиной ее теперешнего горя. Она ни разу не вспомнила о нем все это утро».

Свою душевную боль Анна поверяет Долли:

«...я люблю, кажется, ровно, но обоих больше себя, два существа — Сережу и Алексея... и одно исключает другое. Я не могу их соединить, а это мне нужно. А если этого нет, то все равно. Все, все равно».

Тютчевская же героиня разбирает старые письма, олицетворяющие для нее былое счастье и давно минувшие события ее молодости. И с каждым новым, растревоженным в памяти днем прошлое кажется ей все более «невозвратимо-пережитым», недостижимым

совершенством существования, а настоящее, напротив, преобразается в нечто тяжелое, мрачное и безысходное.

Она сидела на полу
И груды писем разбирала —
И, как остывшую золу,
Брала их в руки и бросала.

Брала знакомые листы
И чудно так на них глядела,
Как души смотрят с высоты
На ими брошенное тело...
О, сколько жизни было тут,
Невозвратно-пережитой!
О, сколько горестных минут,
Любви и радости убитой!..

Стоял я молча в стороне
И пасть готов был на колени, —
И страшно грустно стало мне,
Как от присущей милой тени.

Общим здесь является не мотив раскаяния в совершенном, а ужас от собственного бессилия, от невозможности вернуть навсегда ушедшее, вернее — перенести из него самое дорогое в сегодняшний день. Так, Анна-любовница не может жить рядом с сыном без любви Вронского, и в то же время Анна-мать страдает в разлуке с Сережей, хотя счастлива близостью Вронского. И то, что она не может соединить этих двух самых важных и дорогих ей людей, две любви, составляющие самое Анну, является ее несчастьем. Трагические нотки безысходности с развитием действия становятся все громче и настойчивее, пока не прорываются в страшном крике отчаявшейся женщины:

«...я не могу придумать положения, в котором жизнь не была бы мучением. Все мы созданы затем, чтобы мучиться, мы знаем это и все придумываем средства, как бы обмануть себя. А когда видишь правду, что же делать?»

Эта глубокая тоска, почти физическая мука Анны, увидевшей «правду» и не желающей лгать себе, как это привыкли делать другие, пронизывает одно короткое стихотворение Тютчева:

Как дымный столп светлеет в вышине! —
Как тень внизу скользит, неуловима!..
«Вот наша жизнь, — промолвила ты мне, —
Не светлый дым, блестящий при луне,
А эта тень, бегущая от дыма...»

Жизнь — тень, бегущая от дыма, — это страшный символ. Анна поняла, что упорно гонится за призраком. Она впервые остановилась и, оглянувшись назад, на пройденный путь, увидела пустоту. Жизнь Анны, красивой женщины в расцвете лет и сил, потеряла свой стержень, ось. Ей не за что ухватиться, и она неудержимо падает, в последний раз оценивая свою жизнь — след, протянувшийся за ней.

Тютчев поразительно точно схватил и зафиксировал это ощущение полного краха, этот внутренний паралич: когда жизнь уже даже не дым, который хоть иногда поблескивает при луне и дарит наркоз иллюзий, но когда душит сознание, что жизнь лишь мираж, бесцветная «тень, бегущая от дыма», реальность, все более отдаляющаяся от прекрасной мечты. Осознание этого становится крушением последних надежд и приводит к трагедии. И у Толстого, и у Тютчева мы находим это предсмертное стенание души:

Не говори: меня он, как и прежде, любит,
Мной, как и прежде, дорожит...
О нет! Он жизнь мою бесчеловечно губит,
Хоть, вижу, нож в руке его дрожит.

То в гневе, то в слезах, тоскуя, негодуя,
Увлечена, в душе уязвлена,
Я стражду, не живу... Им, им одним живу я —
Но эта жизнь!.. О, как горька она!

Он мерит воздух мне так бережно и скудно...
Не мерят так и лютому врагу...
Ох, я дышу еще болезненно и трудно,
Могу дышать, но жить уж не могу.

Анна пришла к концу пути, избранному ею самой. Она в последний раз оглядывается на этот путь, представший ее глазам «в том пронзительном свете, который открывал ей теперь смысл жизни и людских отношений». Она подводит итог, черту, которая перечеркивает все, ради чего она принесла столько жертв. Теперь ей нечем более жертвовать, кроме собственной жизни:

«...Моя любовь все делается страстнее и себялюбивее, а его все гаснет и гаснет, и вот отчего мы расходимся... **И помочь этому нельзя.** У меня все в нем одном, и я требую, чтобы он весь больше и больше отдавался мне. А он все больше и больше хочет уйти от меня. Мы именно шли навстречу до связи, а потом неудержимо расходимся в разные стороны. **И изменить этого нельзя... Это не может быть иначе...** Возможно ли какое-нибудь не счастье уже, а только не мученье? Нет и нет!!! **Невозможно!** Мы жизнью расходимся, и я делаю его несчастье, он мне, и переделать ни его, ни меня **нельзя...**»

Единственный выход из этого противоречия Анна видит в смерти. Лишь так она развяжет гордиев узел своей запутанной судьбы. Вот последние слова, сказанные друг другу героями романа Толстого:

Вронский:

— Это становится невыносимо.

Анна:

— Вы... Вы раскаетесь в этом...

Здесь уместно вспомнить строки из письма Ф.И. Тютчева А.И. Георгиевскому, написанного спустя несколько лет после смерти Е.А. Денисьевой: «Сколько раз говорила она мне, что придет для меня время страшного, беспощадного, неумолимо-отчаянного раскаяния, но что будет поздно».

Какова же сила женской любви, если даже свою смерть она делает оружием в «поединке роковом» двух любящих людей. Отчаявшись поработить Вронского силой своей любви, Анна решает сделать его рабом памяти о себе:

«...Она живо представляла себе, что он будет чувствовать, когда ее уже не будет и она будет для него только одно воспоминание... она с наслаждением стала думать о том, как он будет мучиться, раскаиваться и любить ее память, когда уже будет поздно».

И вот Анны нет среди живых. Она не признала своего поражения, и смерть — ее последний выпад против всех, кто старался перечеркнуть ее жизнь и ее любовь, а для Анны они едины.

И на земле ей дико стало,
Очарование ушло...

Толпа, нахлынув, в грязь втоптала
То, что в душе ее цвело...

Любовь, которая цвела в душе Анны, втоптана в грязь, раздавлена колесами поезда. И Вронский, стоя над «бесстыдно растянутым, окровавленным» телом своей возлюбленной, видел в нем свою безжизненную душу, оскверненную взглядами любопытной толпы. Теперь и Вронскому «дико стало» на земле, среди чуждых ему людей. Он «старался вспомнить лучшие минуты с нею, но эти минуты были навсегда отравлены. Он помнил ее только торжествующую, свершившую угрозу никому не нужного, неизгладимого раскаяния».

Душа Вронского мертва, он рад, что есть за что отдать свою жизнь, которая ему «не то что не нужна, но постыла». Не это ли состояние тупой душевной муки выражено Тютчевым:

Душа моя, Элизиум теней,
Что общего меж жизнью и тобою!
Меж вами, призраки минувших, лучших дней,
И сей бесчувственной толпою?..

4

Теперь необходимо выяснить роль «сей бесчувственной толпы» у Тютчева и «этого знакомого, неинтересного, пестрого стада» у Толстого. Так оба художника характеризуют «высший свет», в котором и жить невыносимо («В свете — ад», — говорит Вронский), и полностью изолироваться от которого невозможно. Ведь герои Толстого и Тютчева, так же как и их создатели, связаны именно с этой средой. Но для них, привыкших быть в центре внимания всего общества, — неприемлемо и одиночество. Вронский, живший прежде полнокровной, активной жизнью, даже рядом с Анной начал тяготиться бездеятельностью, и в душе его «поднялось желание желаний, тоска». Анна ж стремилась заменить собой для Вронского и свет, и политику, и развлечения, то есть все, что раньше наполняло его жизнь и чего теперь ему так не доставало. Сам Толстой сформулировал эту мысль так: «Всякий человек знает, что ему нужно делать не то, что разъединяет его с людьми, а то, что соединяет его с ними, — знает это человек не оттого, что это повелено ему кем-то, но оттого, что чем больше он соединяется с людьми, тем ему лучше жить, и напротив: тем хуже живется ему, чем больше он разъединяется».

Также и героиня «денисьевского цикла» поняла, что она не в состоянии заполнить жизнь любимого человека только собой. Она исчерпала все силы в борьбе с ним, с собою и со светом, сыгравшим столь пагубную роль в ее жизни и любви. Из двух «роковых сил», довлевших над ее судьбой, несправедливости «Суда людского» она предпочитает — «Смерть».

Две силы есть — две роковые силы,
Всю жизнь свою у них мы под рукой,
От колыбельных дней и до могилы, —
Одна есть Смерть, другая — Суд людской.

.....
Но Смерть честней — чужда лицепрятью,
Не тронута ничем, не смущена,
Смирненную иль ропшущую братью —
Своей косою равняет всех она.

Свет не таков: борьбы разноголосья —
Ревнивый властелин — не терпит он,
Не косит сплошь, но лучшие колосья

Да, свет «не косит сплошь»: Бетси Тверская, принимавшая за спиной мужа Тушкевича; Стива Облонский, бывший в связи с гувернанткой собственных детей; старший брат Вронского, который, «имея детей, содержал танцовщицу», — все они не осуждались «светом». Они не выходили за рамки обыденного, за рамки общепринятой светской морали. Ведь даже мать Вронского, «узнав о его связи, сначала была довольна — и потому, что ничто, по ее понятиям, не давало последней отделки блестящему молодому человеку, как связь в высшем обществе». Она злорадствовала, «что столь понравившаяся ей Каренина, так много говорившая о своем сыне, была все-таки **такая же, как и все красивые и порядочные женщины**, по понятиям графини Вронской». Однако, когда Алексей Вронский отказался ради Карениной от своей карьеры, его родня поняла, что «это не была та блестящая, грациозная светская связь, которую она бы одобрила... что это любовь, не нравящаяся тем, кому нужно нравиться...» — и резко осудила Вронского. Это уже было «разноголосие» в общем хоре. И жена брата Вронского — Варя, и та же Бетси отказались принимать у себя Анну, чей образ жизни был выше их понимания. Вронский, отчаявшись хоть как-то реабилитировать свою возлюбленную в глазах «света», восклицает: «Да, я не считаю, чтоб она упала более, чем сотни женщин, которых вы принимаете!..»

Так называемое «общественное мнение» легко простило бы Анне измену мужу и куда более низкие «прегрешения», если б были соблюдены «рамки приличия». Личина снисхождения и великодушного покровительства нашлась бы в богатом наборе их масок. Но то, что Анна осмелилась пренебречь этим всемогущим «общественным мнением», было уже вызовом. А неписанный закон светской морали гласит, что «бросить вызов свету» — это значит «навсегда отречься от него». И Анна пошла на этот шаг: наперекор всему и всем она поехала в театр, на сольный концерт Патти, где собралась вся аристократическая знать Петербурга.

«Светские дамы, которым давно уже наскучило то, что ее называют справедливою, радовались тому, что они предполагали, и ждали только подтверждения оборота общественного мнения, чтоб обрушиться на нее всею тяжестью своего презрения. Они приготавливали уже те комки грязи, которыми они бросят в нее, когда придет время».

Итак, Анна в театре. Она, как и героиня «денисьевского цикла», мужественно «идет сама навстречу клеветы», игнорируя и не признавая своих обвинителей и то, что они посмели поставить ей в вину. Вот тогда наконец и «пришло время» для тех, кто так жаждал уничтожить, унижить Анну своим «добродетельным» презрением, вот тогда пригодились те самые «комки грязи», копившиеся на случай «благородного» общественного гнева.

Вронский «понял, что произошло что-то унижительное для Анны. Он понял это и по тому, что видел, и более всего по лицу Анны, которая, он знал, собрала свои последние силы, чтобы выдержать взятую на себя роль. И эта роль внешнего спокойствия вполне удавалась ей. Кто не знал ее и ее круга, не слышал всех выражений соболезнования, негодования и удивления женщин, что она позволила себе показаться в свете, и показаться так заметно в своем кружевном уборе и со своею красотой, те любовались спокойствием и красотой этой женщины и не подозревали, что она испытывала чувства человека, выставляемого у позорного столба».

Боль и сострадание, восхищение и досада стихотворения Тютчева «И горе ей — увы...» так искренни, что не оставляют сомнения в чувствах поэта и в том, кому они адресованы. Образ молодой женщины, вступающей в борьбу с общественным мнением, у Тютчева не случаен. И приговор «свету» в двух последних строчках звучит как ключ к трагедии Анны. Читая это стихотворение, мы видим Анну, поднятую над толпой в ложе

императорского театра, волей судьбы ставшей для нее скамьей подсудимых, но гордо, с «сознанием всех прав своих, с отвагой красоты» взирающей на своих судей сверху вниз.

И горе ей — увы, двойное горе,
Той гордой силе, гордо-молодой,
Вступающей с решимостью во взоре,
С улыбкой на устах — в неравный бой.
Когда она, при роковом сознании
Всех прав своих, с отвагой красоты,
Бестрепетно, в каком-то обаянье
Идет сама навстречу клеветы,

Личиною чела не прикрывает,
И не дает принизиться челу,
И с кудрей молодых, как пыль свежает
Угрозы, брань и страстную хулу, —

Да, горе ей — и чем простосердечней,
Тем кажется виновнее она...
Таков уж свет: он там бесчеловечней,
Где человечно-искренней вина.

Восставая против ханжества света, поэт поклоняется женщине, «любившей наперекор и людям и судьбе», и хотя «судьбы не одолевшей, но и себя не давшей победить». Вот почему и «роковая страсть», и «поединок роковой»: человек, игнорирующий кодекс «света», осужден на гибель.

И героиню Тютчева, и Анну Каренину на протяжении всего действия ведет к трагическому исходу неумолимая «воля рока». Эти настроения мы замечаем и в романе Толстого, и в «денисьевском цикле» Тютчева.

Вот Тютчев в стихотворении «Когда на то нет Божьего согласия...»:

Когда на то нет Божьего согласия,
Как ни страдай она, любя, —
Душа, увы, не выстрадает счастья,
Но может выстрадать себя...

Мистическая сила, делающая людей своим орудием, фигурирует в романе Толстого как «**дух зла**», как «властная сила», парализующая волю героев и навязывающая им свои «условия борьбы».

«...он чувствовал, что тот **дух зла** и обмана, который владел ею, овладевал и им...»

«...Но какая-то странная **сила зла** не позволяла отдаться этому влечению...»

«...в той **борьбе**, которую поселившийся в ее сердце **злой дух** вел с ним...»

Те же ноты обреченности мы улавливаем и у Тютчева. Любовь поэт отождествляет с «роковой борьбой», в которую втягивает героев некая фатальная сила, рок, ведущий одного из них к неотвратимой гибели.

Любовь, любовь — гласит преданье —
Союз души с душой родной —
Их съединенье, сочетанье,
И **роковое** их слиянье,
И... **поединок роковой**...

И чем одно из них нежнее

В борьбе неравной двух сердец,
Тем неизбежней и вернее,
Любя, страдая, грустно млея,
Оно изноет наконец...

Человек, растревоживший силы зла и отпустивший на свободу роковые страсти, неизбежно сам становится пленником и игрищем этих страстей. Опасно даже и заглядывать в эту бездну. Совсем недаром предостерегал гоголевского героя вещий голос: «Не гляди!» Иначе пропадешь. Это страшная возможность свободы. И там, где пушкинская Татьяна, человек прошедшего патриархального века, личность абсолютно гармоничная, обладающая духовным «центром», нашла в себе духовные силы и благоразумно остановилась, почував бездну, там героиня тютчевской лирики и толстовская Анна «освобождаются», делают роковой шаг навстречу этой бездне. И пропадают. «Век девятнадцатый, железный...» В обществе и мире простые и понятные истины теряли свою сдерживающую силу, приходила эра прогресса, эмансипации, паровых машин... Идеи освобождения будоражили умы и сердца дьявольским соблазном. В жизни звучали новые темы, действовали новые характеры, и писатели искали для их выражения то «новое слово», о котором так заботился Достоевский. И это «новое слово» в русской литературе звучало, как водится, сперва в поэзии, а уж потом, спустя некоторое время, реализовывалось в художественной прозе.

Август

Он – строенье невзрачное,
Где уютно и просто,
Где окошко чердачное
Смотрит прямо на звёзды,

Где любое страдание –
Лишь мираж и нелепость.
Август – хрупкое здание
И последняя крепость.

Перед натиском холода
Это всё, что осталось;
Как минута до поезда –
Эта жизнь, этот август.

С неизменной радостью
Всё, что есть, принимаю.
На развалинах августа
Сладко грезить о мае.

В тот день зима над нами колдовала,
И сны, и явь сплетая в ворожбе,
Спеша весь мир накрыть девятым валом
И лестницу, ведущую к тебе.

И в снежном море, будто в зыбкой пене,
Я шла на ощупь, словно в темноте,
И волнами казались мне ступени,
Но я дошла бы даже по воде.

Всё было белым, будто бы бумажным,
И вьюга, стихнув, плакала опять,
Но было в ней первостепенно важно
Нам – встретиться, а миру – устоять.

Увековечить ставшее непрочным
И, если не погаснем в суете,
Успеть оставить на бумаге строчки –
Ступеньку за ступенькой в пустоте.

Все заблуждения ума,
Все знаки, поданные свыше,
Всё! – даже то, что ненавижу,
Я прежде выбрала сама.

И беспросветные года,
Как тени, павшие на солнце,
И мой талант канатоходца –
Из прошлой жизни щедрый дар;

Земное мужество и страсть,
И боль, и смех «в одном флаконе»,
И одиночество – такое,
Что хочется порой упасть...

Но темнота и пустота –
Лишь декорации в той драме,
Где радугою меж мирами
Сверкнёт в финале красота.

В круговороте волшебства
Нам не увидеть наших судеб;
А может, в мир приходят люди
Затем, чтоб в мир пришли слова?

Пусть много боли в нём и бед,
Но как чиста его основа!
Всё, что в начале было Словом,
Вновь в слово превратит поэт.

Прогореть безрассудно и быстро —
Это тоже, наверное, дар.
Если в сердце есть божия искра,
Неизбежен в том сердце пожар.

Ну а в жизни всё так же, как прежде,
Сколько бы ни сменилось веков, —

Угасающий лучик надежды,
Оглушающий грохот оков,

И костёр, уносящийся в небо,
Уносящий на небо с собой,
И в толпе — те, кто сжёг и кто предал,
И в душе — неземная любовь,

На земле потерявшая пристань
И обретшая волю навек...
Если в сердце есть божия искра,
Не минует костра человек!

Отрывок из поэмы «Спасенная земля».

Рутина. Отработка вариаций.
Костюмы. Типажи. Зеркальный зал.
Вы помните, что Пушкина Гораций
К поэзии безжалостной призвал?

Он не сказал о доле страстотерпца,
Жестокости посредственной молвы!
Отраду остановленного сердца
Стеречь остались каменные львы.

Какие песни мы когда-то пели?
Какие параллели провели?
Вы помните, что на пути к дуэли
Поэт случайно встретил Натали?

Но пуля – дура, ведьма, душегубка!
Зеркальный зал, костюмы, типажи...
Что делать мне? Отпить вино из кубка?
Теперь ты мне напомни, подскажи!

Я видел все возможные красóты,
Я знаю, что такое красота?
Я знаю, чем закончить? Что ты, что ты!
Вновь начинаю с чистого листа.

* * *

(из цикла «Притчи»)

Слепая ночь. Сомнения в душе.
Большое всё труднее видеть в малом.
Что если всё закончилось уже,
А нам казалось – времени навалом?

Что если нам не суждено любить
Любовью той, что сами сочинили?
Вопрос-насмешка: «Быть или не быть?»
Конечно, быть! Без всяких скользких «или».

Но где ты, путеводная звезда?
Кто скрыл тебя от наших глаз плаксивых?
Откуда мы и, собственно, куда?
Зажгись для нас – красивых, некрасивых,

Богатых, бедных, трезвых и хмельных...
Возможно, мы вовеки не достойны!
Спасли себя – бросали остальных,
Молились Богу – объявляли войны.

Покрыты серебристой сединой,
На старые мы наступаем грабли...
Вселенная подтаявшей весной
Вместилась в микромир дрожащей капли.

Всё вытерпеть и всё преодолеть
Душа должна, стремясь навстречу лету.
И песню позабытую допеть
Хотя бы понемногу. По куплету.

* * *

(Из цикла «Притчи»)

Выпал долгий мокрый снег,
Петербург в сонливости.
Тащит грешный человек
Груз несправедливости.

Если б лучший путь возник
В сновиденьях странника,
Если б каждый ученик
Вспоминал наставника!

Если б пересилить зло,
Дотерпеть мгновение,
Если б вовремя пришло
В битве подкрепление!

Если б завершить, забыть
Тяжбу бесполезную,
Если б мог народ любить
Русскую поэзию!

Не для жалкой похвальбы
Испытания пройдены...
Сколько этих «если бы»
На просторах Родины?

Листья опадают... Зачем-то вступаюсь за лето,
В свои тридцать с хвостиком к осени я не привык.
Как будто в душе сокровенное чувство задето,
Но снова *silentium* – вспомню латинский язык.

Так было всегда. Желтый лист вперемешку с багряным,
Природа готовится к долгому зимнему сну.
Когда-нибудь тайное станет, конечно же, явным,
Когда-нибудь я мимолетным успехом блесну.

О чем в октябре рассказала мне свежая пресса?
Да, собственно, пресса совсем не волнует меня.
А в книгах метафору полураздетого леса
Поэт-дипломат Федор Тютчев легко применял.

Мой северный город Петровский – вторая столица,
А к первой, должно быть, всю жизнь подбирают ключи...
Никак не могу с новой осенью договориться,
Здесь только *silentium* – лишь наблюдай и молчи.

**ГЕОПОЭТИКА РУССКОГО МИРА:
сакральная география против зыби существования
в поэтическом наследии Ф. И. Тютчева**

Если после Пушкина и Лермонтова назвать третью гениальную вершину руссиеведческой поэзии, то это – несомненно, Тютчев. Поэту принадлежат потрясающие строки о том, что «певец мировой скорби» Шопенгауэр назвал бы «ничтожностью существования» [1, с. 114]:

*Как зыбок человек! Имел он очертанья –
Их не заметили. Ушёл – забыли их.
Его присутствие – едва заметный штрих.
Его отсутствие – пространство мирозданья...*

Тютчевская идея поэтической географии русского мира реально противостоит этому антропологическому минимализму и, как мы увидим, обещает многое, вдохновляет умы и доселе впечатляет...

«Если остаться в достаточно узких рамках собственно политических определений, то Тютчев уже тогда был геополитиком среди политиков; по сути был первым нашим великим геополитиком и потому не очень понимался и принимался даже близкими ему и замечательными только политиками» [2, с. 1, 15], – справедливо отмечал известный учёный и литературовед Н. Н. Скотов.

«Что такое Россия? – вопрошал сам поэт-историософ, – каков смысл её существования, её исторический закон? Откуда явилась она? Куда стремится? Что выражает собою?.. Правда, что вселенная указала ей место; но философия истории ещё не соблаговолила признать его за нею» [3, с. 96].

В самых существенных чертах своей поэтической историософии Тютчев совпадает со славянофилами (и прежде всего – с Хомяковым), ибо его сокровенный помысел отнюдь не фиксирован на малой родине – он, напротив, уже в молодости (стихотворение «Как дочь родную на закланье...», 1831 г.) мечтает

*Державы целость соблюсти,
Славян родные поколенья
Под знамя русское собрать
И весть на подвиг просвещенья
Единомысленных, как рать.. .*

С другой стороны, ему постепенно открывается и кенотический образ России (стихотворение «Эти бедные селенья...», 1855 г.):

*Эти бедные селенья,
Эта скудная природа –
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!*

Однако поэт не стремится к прогрессистскому усовершенствованию русской земли (стихотворение «Куда сомнителен мне твой...», 1850 г.), прекрасно понимая, что в исторически сложившейся культурной ситуации «житейский прогресс» приводит к власти рабовладельческие силы западной цивилизации и является её, а не отечественным органическим порождением:

*Куда сомнителен мне твой,
Святая Русь, прогресс житейский!
Была крестьянской ты избой –
Теперь ты сделалась лакейской.*

Тютчевский патриотизм никогда не носил казённого характера – поэт приходил в отчаяние от того, с чем приходилось сталкиваться в правительственных кругах. Так, в августе 1867 года Тютчев пишет М. Ф. Бирилёвой о России: «Разложение повсюду. Мы двигаемся к пропасти не от излишней пылкости, а просто по нерадению. В правительственных сферах бессознательность и отсутствие совести достигли таких размеров, что этого нельзя постичь, не убедившись воочию» [4, с. 220]. У поэта немало критических стихотворений гражданской тематики, например: «Наш век», 1851 г.; «На новый 1855 год», 1854 или 1855 гг., «Н<иколаю> П<авловичу>», 1855 г.

Вместе с тем, всем хорошо известное стихотворение «Умом Россию не понять...» 1866 г. стало универсальной формулой нашей отечественной инософии:

*Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать –
В Россию можно только верить.*

Вера Тютчева в Россию как «Богохранимую страну» носила вполне мистический характер – ей были чужды не только радикальные цареборческие намерения декабристов, но и сам всеудушающий и безблагодатный царизм, приведший к поражению в Крымской войне, к осмыслению чего мы ещё вернёмся...

О первых же он писал в 1826 г. в стихотворении «14-ое декабря 1825»:

Вас развратило Самовластье,

*И меч его вас поразил, -
И в неподкупном беспристрастье
Сей приговор Закон скрепил.
Народ, чуждаясь вероломства,
Поносит ваши имена –
И ваша память от потомства,
Как труп в земле, схоронена.*

*О жертвы мысли безрассудной,
Вы уповали, может быть,
Что станет вашей крови скудной,
Чтоб вечный полюс растопить!
Едва, дымясь, она сверкнула,
На вековой громаде льдов,
Зима железнаядохнула –
И не осталось и следов.*

Тютчев всегда верил в высшее Божественное промышление макроисторической судьбы России – в отличие от него «Рылеев и Бестужев-Марлинский разделяли самые экстремистские настроения и идеи декабристского движения, вплоть до убийства царской семьи» [5, с. 10]; так, первый из них «заставлял членов Северного общества принять план установления республики и убийства царя, разработанный в Южном обществе. <...> Он поддерживал идею убить Александра I, уничтожить царскую семью или выслать её за границу» [5, с. 103]. Павел Пестель, например, собирался много лет «бесконтрольно управлять всей Россией. <...> Автор "Русской правды" не только отказался от морализирования при рассмотрении политических проблем, но и посчитал вполне допустимым во имя "политической целесообразности" использовать любые, в том числе и аморальные, средства достижения преследуемых целей. Цареубийство, облегчая тайному обществу захват власти, могло безнадежно скомпрометировать его организаторов и участников в глазах общественного мнения. "Люди, обагрённые кровью, будут посрамлены в общем мнении, которое не даст им после того пользоваться похищенной ими властью" (Н. М. Муравьев). Стремясь избежать этого, Пестель предложил создать "обречённый отряд" цареубийц, находящихся как бы вне общества. После успешного завершения этой акции "обречённым отрядом" надлежало пожертвовать. Тайное общество должно было казнить цареубийц и объявить, что оно мстит за императорскую фамилию...» [6, с. 207–208].

Тютчев, понимая восходящее мировое зло нарастающей *тотальной революции*, впоследствии в статье «Россия и революция» (12 апреля 1848 г.) укажет на тот факт, что Россия – единственная в

мире противостоящая ей сила. «...»Революция была враждебна не только королям и установившемуся образу правления, - передавал тютчевское понимание Революции К. Пфеффель, – тогда, как и теперь, она покушается на самого Бога, а без Бога общество человеческое существовать не может“. <...> Корень Революции – удаление человека от Бога, её главный результат – ”современная мысль“, бесплодно полагающая в своём непослушании божественной воле и антропоцентрической гордыне гармонизировать общественные отношения в ограниченных рамках того или иного вида ”антихристианского рационализма“...» [7, с. 72], – так комментирует тютчевскую позицию крупный современный учёный.

В феврале 1848 года Тютчев написал о революции стихотворение «Море и утёс»:

*Ад ли, адская ли сила
Под клокоцуцим котлом
Огнь геенский разложила –
И пучину взворотила
И поставила вверх дном?*

Что понимал он под «адской силой», кроющееся за *революцией как чистой идеей*? Определённое разъяснение этому даёт известный современный автор: «Реальные хозяева мира – ядро элиты и сверхэлиты, которое начало формироваться приблизительно 400 лет назад в период крушения традиционных феодальных каст. Существовала система сословной иерархии: был Папа Римский, ему подчинялись императоры, на следующей ступеньке стояли рыцари, ещё ниже – скромные купцы и т. д. Когда система стала крушиться и на её место пришел абсолютизм, началась Реформация, а потом Контрреформация, и в этот момент произошла мощная реорганизация мира. Всемирная Церковь вынуждена была перейти к стратегии не прямых действий, на смену открытой иерократии пришла криптократия, действующая через закрытый клуб ”светской“ знати. Это прежде всего Система правящих кланов, которые характеризует наследственность и преемственность. В основном формирование клановой корпорации завершилось к 1860 году» [8, с. 18].

Тютчев прекрасно понимал, что за любыми революционными преобразованиями в современном мире стоят эти самые «клановые» интересы – его позиция имеет глубокую корреляцию в трудах православного консерватизма... «Цель революции, бывшая первоначально галлюцинацией нескольких лихорадочных умов, ныне стала целью всего человечества. Люди устали, Царство Божие слишком далеко, православный христианский путь слишком узок и труден. Революция проникла в ”дух века сего“, и противиться этому мощному напору современный человек не в состоянии, потому что

для этого нужно две вещи, целиком и полностью уничтоженные нигилизмом: Истина и Вера» [9, с. 85]. «Декабристы, по существу, замахнулись на Самого Бога, Который через Своих Помазанников управляет конкретным народом. Они хотели разрушить совершенное монархическое мироустройство, навязывая России демократию. Демократия в законченном её виде предполагает избрание государственных лидеров не по Промыслу и Изволению Божию: избрание властей предрежащих в демократическом государстве осуществляется исключительно на основе своевольного "хотения" человеков – часто омраченных грехами» [10, с. 9].

Внутренняя жизнь России доставляла Тютчеву много боли: «Одним словом, власть в России на деле безбожна, ибо неминуемо становишься безбожным, если не признаешь существования живого непреложного закона, стоящего выше нашего мнимого права, которое по большей части есть не что иное, как скрытый произвол» [11, с. 184]. Будучи верноподданным царю, Тютчев не понимал отступления от христианского благочестия правительственных кругов...

Следуя своей мечте о православном единстве славян (заметим, что эти панславистские идеи совершенно не находили поддержки в правительстве), он пишет в 1841 г. стихотворение «К Ганке»:

*Вековатъ ли нам в разлуке?
Не пора ль очнуться нам
И подать друг другу руки,
Нашим кровным и друзьям?*

*Веки мы слепцами были,
И, как жалкие слепцы,
Мы блуждали, мы бродили,
Разбрелись во все концы.*

*А случилось ли порою
Нам столкнуться как-нибудь, -
Кровь не раз лилась рекою,
Меч терзал родную грудь.*

*И вражды безумной семя
Плод сторичный принесло:
Не одно погибло племя
Иль в чужбину отошло.*

*Иноверец, иноземец
Нас раздвинул, разломил:
Тех обезъязычил немец,
Этих – турок осрамил.*

*Вот среди сей ночи тёмной,
Здесь, на пражских высотах,
Доблий муж рукою скромной
Засветил маяк впотьмах.*

*О, какими вдруг лучами
Озарились все края!
Обличилась перед нами
Вся Славянская земля!*

*Горы, степи и поморья
День чудесный осиял,
От Невы до Черногорья,
От Карпатов за Урал.*

*Рассветает над Варшавой,
Киев очи отворил,
И с Москвой золотоголовой
Вышеград заговорил!*

*И наречий братских звуки
Вновь понятны стали нам, -
Наяву увидят внуки
То, что снилось отцам!*

Это поэтическое обращение, опубликованное в журнале «Русская беседа» в 1858 году, посвящено крупнейшему деятелю чешского национального возрождения, филологу и поэту Вацлаву Ганке, но обращено оно ко всем братьям-славянам, призываемых Тютчевым к славянскому духовному всеединству, и предвосхищает ключевые идеи замечательного историософского труда Н. Я. Данилевского «Россия и Европа»... В идеале этот Всеславянский союз должен был состоять из следующих государств: Русской империи, Королевства Чехо-Мораво-Словенского, Королевства Болгарского, Королевства Румынского, Королевства Эллинского (Фессалия, часть Македонии, Родос, Крит, Кипр, побережье Эгейского моря), Королевства Мадьярского, Царьградского округа [12, с. 330]. На исходе сороковых годов XIX века Тютчев пишет свою знаменитую впечатляющую и беспримерную «Русскую географию», апеллируя к духу и букве библейских пророчеств:

*Москва и град Петров, и Константинов град –
Вот царства русского заветные столицы...
Но где предел ему? И где его границы –*

*На север, на восток, на юг и на закат?
Грядущим временам судьбы их обличат...*

*Семь внутренних морей и семь великих рек...
От Нила до Невы, от Эльбы до Китая,
От Волги по Евфрат, от Ганга до Дуная...
Вот царство русское... и не прейдет вовек,
Как то провидел Дух и Даниил предрек.*

Но так им мыслился идеальный символический расклад: стихотворение представляет собою гимн, воспевающий «всеславянское цветение» [13, с. 122] – в жизнеспособности оно четверть века спустя, как хорошо известно, был глубоко разочарован «пламенный реакционер» К. Н. Леонтьев, в основе своего миропонимания всё-таки весьма близкий Тютчеву (не даром же ушедший ещё глубже в своих отчаянных и пронзительных разочарованиях поэт XX века Георгий Иванов восклицал: «А мы – Леонтьева и Тютчева сумбурные ученики!»)...

В стихотворении «Рассвет» 1849 г. историческое пробуждение России сравнивается с рассветом в природе: Русь уже в доспехах – не смиренная страдальца, а «исполин державный». Но безграничная вера поэта в высшую Божественную миссию родины определяется словами «Вставай Христовой службы ради!» и обретает литургические черты:

*Раздайся благовестный звон,
И весь Восток им огласися!*

Этот звон предваряет ожидаемое наступление «светлого дня» – символического предзнаменования восхода «солнца незаходимого» и наступления «дня незакатного». Согласно раннецерковному неоплатоническому символизму Корпуса Ареопагитик, «сверхсветлое Светоначалое... просто само по себе господствует, превосходит, объемлет и собирает воедино всех как духовных, так и разумных существ, способных к восприятию света» [14, с. 38]. Тютчевское стихотворение пронизано этим софийным «светом»:

*Струя в Босфоре заалела.
А уж восток заря румянит...
И скоро светлый день настанет.*

Как подчёркивает знаменитый ученик св. апостола Павла, «я не сторонник нелепого мнения, будто солнце – это божество, создавшее весь этот мир и самостоятельно им управляющее, но утверждаю (вместе с апостолом), что ”с тех пор, как создан мир, неведомое в Боге,

то есть вечное могущество и Божественность его, познаётся чрез размышление над творениями“ (Рим., 1:20). Впрочем, более подробно всё это будет изложено в ”Символическом богословии“. А сейчас мне пора приступить к славословию Блага, именуемого умопостигаемым Светом...»: оно «как бы приподнимает и открывает погребённые во тьме кромешной веки... духовных очей» [14, с. 38]. Здесь открывается духовно-анагогический смысл патриотической лирики Тютчева.

Теперь мы вплотную подошли к теме монархизма в его творчестве. Уже говорилось о священном отношении поэта к царю как помазаннику Божьему: здесь он является апологетом православного консерватизма, его идеи согласуются с определёнными трудами церковных авторов. Церковь изливала свои дары «в священном помазании на царство и возлюбила помазанника своего не только как главу государства, но и как носителя особой харизмы царствования, как жениха церковного, имеющего образ самого Христа» [15, с. 191], - подчёркивал отец Сергей Булгаков. Современник же Тютчева свт. Филарет Дроздов особо отмечал: «Царь, по истинному о нём понятию, есть глава и душа царства. Но вы возразите мне, что душой государства должен быть закон. Закон необходим, досточтим, благотворен; но закон в хартиях и книгах есть мёртвая буква: ибо сколько раз можно наблюдать в царствах, что закон в книге осуждает и наказывает преступление, а между тем преступление совершается и остаётся ненаказанным, закон в книге благоустраивает общественные здания и дела, а между тем они расстраиваются. Закон, мёртвый в книге, оживает в деяниях, а верховный государственный деятель и возбудитель и одушевител подчиненных деятелей есть Царь» [16, с. 13].

В жизненной практике отношение поэта к царю было иным: «18 февраля 1855 года скончался император Николай I. Когда Фёдору Ивановичу сообщили об этом, то он со свойственной ему яркостью речи сказал: ”Как будто вам объявили, что умер Бог“. Он прекрасно понимал, что вместе с этим человеком в прошлое уходит целая эпоха, и уже в начале апреля пустил в оборот крылатое слово ”оттепель“, благополучно пережившее своего создателя... Пройдёт несколько месяцев, и Тютчев под непосредственным впечатлением от севастопольской катастрофы напишет эпигramму-эпитафию покойному самодержцу» [17, с. 201]:

*Не Богу ты служил и не России,
Служил лишь суеде своей,
И все дела твои, и добрые и злые, -
Все было ложь в тебе, все призраки пустые:
Ты был не царь, а лицедей.*

Как объяснить такое вопиющее несоответствие веры в идею царя

с реальным отношением к нему? Нет сомнений в том, что для Тютчева столь резкая критика конкретного российского самодержца стала возможной потому, что трагедия Крымской войны продемонстрировала неспособность воплотить идею славянского всеединства, тогда как прежде всё было иначе... «Некогда Тютчев уповал не только на физическую мощь самодержавия, но и его нравственное превосходство над "гнилым" Западом» [17, с. 199], - отмечает современный исследователь. В статье «Россия и Германия», написанной в ответ на книгу маркиза Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году», содержащей неприязненные и недостоверные суждения о России, сам Тютчев говорит о царе только в превосходной степени и провозглашает следующее: «Бессмертною заслугою монарха, находящегося на престоле России, служит то, что он полнее, энергичнее всех своих предшественников проявил себя просвещённым и неумолимым представителем... исторической законности» [3, с. 98].

Обратимся к стихотворению «Пророчество» 1850 г.:

*Не гул молвы прошёл в народе,
Весть родилась не в нашем роде –
То древний глас, то свыше глас:
«Четвёртый век уж на исходе, –
Свершится он – и грянет час!*

*И своды древние Софии,
В возобновленной Византии,
Вновь осенят Христов алтарь».
Пади пред ним, о царь России, –
И встань как всеславянский царь!*

Известно, что появление этого стихотворения вызвало гнев Николая I. Через Н. Н. Анненкова царь направил А. С. Норову отношение, в котором говорилось: «Государь император, прочитав это стихотворение, изволил последние два стиха собственноручно зачеркнуть и написать: "Подобные фразы не допускать"» [18, с. 324–325]. Очевидно, что русский царь не разделял тютчевской идеи о славянском единстве и отнюдь не собирался становиться «всеславянским царём» – этот Божественный статус был вне его политической компетенции...

С. С. Аверинцев указывал на апокрифические и мистические корни этой тютчевской идеи: «...в одном из духовных стихов народ говорит о власти Белого Царя "надо всей землёй, над вселенною" – это уже не политика, это нечто иное» [19, с. 218]. Как подчёркивал отец Сергей Булгаков, «это преображение власти, которая становится уже не властью меча, но властью любви» [15, с. 195]. Вот, как говорит об

этом сам поэт, полемизируя с железным и кровавым германизмом Карла Бисмарка в стихотворении «Два единства», написанном в сентябре 1870 г.:

*Из переполненной Господним гневом чаши
Кровь льётся через край, и Запад тонет в ней.
Кровь хлынет и на вас, друзья и братья наши! -
Славянский мир, сомкнись тесней...
"Единство, - возвестил оракул наших дней, -
Быть может спаяно железом лишь и кровью..."
Но мы попробуем спаять его любовью, -
А там увидим, что прочней...*

Отец Георгий Флоровский даёт интересный комментарий к этим историософским идеям: «Тютчев, в своём роде, предвосхищает мечту Владимира Соловьёва о всемирном согласии и возрождении мира через "воссоединение Церквей", которое виделось Соловьёву как союз между вселенским Папой Рима и всемирным Царем России. Папство будет спасено через Российскую Империю, тогда как Россия получит новый запас сил от воссоединенной Церкви. Это напоминает тютчевскую мечту: "Существует лишь одна светская власть, опирающаяся на вселенскую церковь, которая способна реформировать папство, не ущемляя Церкви. Подобная власть никогда не существовала и не могла существовать на Западе". В настоящее время её не существует и на Востоке. Однако возможность её вполне мыслима и должна быть воплощена в жизни. Эта империя – не Россия, Это «Великая Греко-Российская Православная Империя», в которую должна разрастись Россия. Это и есть та вершина исторического развития, к которой стремится Россия. "Если бы Россия не развилась в империю, она бы рассыпалась", – утверждает Тютчев» [20, с. 230].

Однако в письме к Ю. Ф. Самарину от 15 мая 1867 г. поэт весьма проницательно указывал: «Всё зависит от того, как славяне понимают и чувствуют свои отношения к России. В самом деле, если они – а к этому склонны некоторые из них, – если они видят в России лишь силу – дружескую, союзную, вспомогательную, но, так сказать, внешнюю, то ничего не сделано и мы далеки от цели. А цель эта будет достигнута лишь тогда, когда они искренне поймут, что связаны с нею той зависимостью, той органической общностью, которые соединяет между собой все составные части единого целого, действительно живого» [21, с. 216–217].

Мы видим, что космизированный образ русского мира обретает в художественном мире Тютчева героико-эпические и профетические черты: поэт верит в софийное торжество и святость самой культурно-исторической идеи земного православного царства и приглашает всех

к литургическому соучастию в этой духовной трапезе:

Придите ж к дивной Чаше сей...

Примечания

1. *Шопенгауэр А.* Новые paralogismen: Отдельные, но систематические изложенные мысли о разного рода предметах. 1810–1860 // Шопенгауэр А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 6: Из рукописного наследия. М.: «ТЕРРА–Книжный клуб»; «Республика», 2001.
2. *Скатов Н. Н.* По высям творенья // «Литературная газета». № 43 (5946). 22–28 октября 2003 г.
3. *Тютчев Ф. И.* Россия и Германия // Русская идея. М., 1992.
4. Письмо Ф. И. Тютчева к М. Ф. Бирилёвой за август 1867 г. цит. по изданию: *Тютчев Ф. И.* Соч.: В 2 т. М., 1980. Т. 2.
5. *Лейтон Л. Дж.* Эзотерическая традиция в русской романтической литературе. Декабризм и масонство. СПб., 1996.
6. *Экштут С.* На службе российскому Левиафану. Историософские опыты. М., 1998.
7. *Тарасов Б. Н.* Тютчев и Паскаль (антиномии бытия и сознания в свете христианской онтологии) // Русская литература. 2000. № 3.
8. *Джемаль Г.* Говорить языком прошлой эпохи уже нельзя // Литературная газета. 2004. № 3 – 4 (5957 – 5958).
9. *Роуз, иеромонах Серафим.* Человек против Бога. М., 1995.
10. *Чеведа А. А.* Россия удел пресвятой Богородицы // Николо-Шартомский Благовестник. 2001. № 4.
11. Письмо Ф. И. Тютчева к А. Д. Блудовой от 28 сентября 1857 г. цит. по изданию: *Тютчев Ф. И.* Соч.: В 2 т. М., 1980. Т. 2.
12. *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. СПб., 1995.
13. *Леонтьев К. Н.* Византизм и славянство // Леонтьев К. Н. Цветущая сложность: Избр. статьи. М., 1992.
14. *Св. Дионисий Ареопагит.* Божественные имена // Мистическое богословие. Киев, 1991.
15. *Булгаков, Отец Сергей.* Православие и государство // Православие: очерки учения православной церкви. Киев, 1991.
16. *Дроздов, Митрополит Филарет.* О государстве. Тверь, 1992.
17. *Экштут С.* Тютчев – тайный советник и камергер. М., 2003.
18. См. примечания к изданию: *Тютчев Ф. И.* Соч.: В 2 т. М., 1980. Т. 1.
19. *Аверинцев С. С.* Византия и Святая Русь: два типа сознания // Новый мир. 1988. № 7.
20. *Флоровский Г.* Исторические прозрения Тютчева // Флоровский Г. Из прошлого русской мысли. М., 1998.
21. Письмо Ф. И. Тютчева к Ю. Ф. Самарину от 15 мая 1867 г. цит. по изданию: *Тютчев Ф. И.* Соч.: В 2 т. М., 1980. Т. 2.

Краткие сведения об авторе:

Океанский Вячеслав Петрович, родился 16 апреля 1965 г. в городе Иваново; доктор филологических наук, профессор по кафедре культурологии; доктор философских наук (Международный сертификат ООН и ЮНЕСКО); заведующий кафедрой культурологии и изобразительного искусства, научный руководитель Центра кризисологических исследований Шуйского филиала Ивановского государственного университета, председатель докторского диссертационного совета по философским наукам и культурологии; в качестве персонального стажёра Президента России прошёл научную стажировку в Православном Свято-Сергиевском Богословском Институте Парижа; профессор кафедры общих профессиональных дисциплин Свято-Алексеевской Иваново-Вознесенской Духовной Семинарии; член-корреспондент РАН, действительный член (академик) Академии философии хозяйства МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва) и Международной гуманитарной академии «Европа – Азия» (Казань, ЮНЕСКО); член союза кинематографистов России; сфера научных интересов – символические формы культуры.